

Глава 7

Они снова вошли в тесную таверну, где в воздухе висела тяжелая, застоявшаяся смесь запахов табака, крови и крепкого спиртного.

Ло Хуай опустился на стул у барной стойки и, наклонившись, нажал на потайную защелку в одном из ящичков. Он выудил оттуда чистые бинты, антисептик, кровоостанавливающее средство и ножницы, небрежно разложив их перед собой. Юноша сомневался, что Чу Сюнь сумеет наложить повязку как подобает, но, раз уж он дал согласие, отступить было поздно.

Молодой господин молча кивнул, позволяя бармену приступить к делу.

Мужчина встал рядом. Орудя ножницами, он начал осторожно срезать старые бинты, успевшие присохнуть к ране и намертво спутаться с запекшейся кровью.

Когда предплечье полностью обнажилось, взору открылась пугающая картина: рана полыхала багровым цветом, словно отблески закатного пламени на бледной коже. Это не был след от клинка или пули — Ло Хуай страдал от глубокого, воспаленного ожога.

Края раны припухли и покраснели, делая очертания в центре еще более отчетливыми. Было ясно, что юноша успел уклониться, но тот, кто нанес этот удар, явно намеревался оставить на его теле какое-то клеймо.

Затея провалилась: знак остался незавершенным.

Ожоги всегда причиняют самую невыносимую боль. Эта пульсация усиливалась с каждым ударом сердца, словно огонь продолжал танцевать в венах, терзая нервные окончания. В Ного, где на медицину всем было плевать, такие раны почти никогда не получали должного ухода.

Срезав марлю, Чу Сюнь на мгновение замер. Ло Хуай скосил на него взгляд и язвительно усмехнулся:

— Что, воротит с души? Или всё-таки струсил?

Он был уверен, что собеседник впервые видит нечто подобное. Вероятно, этот человек, наловчившись обрабатывать пустяковые царапины, возомнил о себе невесть что, лишь бы подобраться поближе и выслужиться.

Возможно, только сейчас Чу Сюнь осознал, с кем на самом деле связался.

Юноша пренебрежительно скривил губы и потянулся к бинтам, намереваясь сам наскоро перевязать руку и уйти. Ему не хотелось тратить на этого человека даже обещанный час.

Но стоило ему пошевелиться, как Чу Сюнь властно наложил ладонь на его плечо, удерживая на месте.

Бармен подался вперед, почти нависая над юношей. Несколько серебристо-серых прядей волос рассыпались по лбу, и в тот миг, когда он оказался совсем близко, они щекотно мазнули Ло Хуая по шее, вызывая невольную дрожь.

Теперь резкие, волевые черты лица Чу Сюня были прямо перед ним.

Мужчина слегка опустил веки. Его рука скользнула под куртку Ло Хуая, дюйм за дюймом ощупывая его талию, пока пальцы не сомкнулись на рукояти спрятанного там оружия.

Прежде чем юноша успел отпрянуть, Чу Сюнь выпрямился.

Тепло его ладони еще ощущалось на животе молодого господина, а бармен уже с самым серьезным видом рассматривал изъятый кинжал. На его губах заиграла дерзкая, бесшабашная улыбка.

Он непринужденно крутанул клинок, заставив сталь сверкнуть в ладони, и медленно направил острие к ране Ло Хуая.

Другой рукой Чу Сюнь бесцеремонно коснулся поврежденной плоти. Совершенно не заботясь о чувствах своего «пациента», он слегка надавил кончиками пальцев на воспаленные края ожога.

Ло Хуай нахмурился, но тут же услышал будничным вопросом:

— Кто это сделал?

Юноша пристально посмотрел на него и холодно отчеканил:

— Тот, кто слишком много знает, долго не живет.

Чу Сюнь склонил голову набок, будто услышал отличную шутку. Уголки его губ тронула ленивая улыбка, но тон, которым он заговорил, был пронзительно холодным.

— То, что я подобрал, принадлежит мне. И даже если вещь мне не нужна, я не позволю клеймить её чужим знаком...

Он говорил тихо, и Ло Хуай не сумел разобрать концовку фразы.

— Что ты сказал? — переспросил юноша.

Чу Сюнь посмотрел на него мгновение, а затем вдруг ослепительно и невинно улыбнулся. Его глаза весело сузились.

— Ничего особенного. Просто думаю, как лучше обработать твою рану. В таком случае полумеры не помогут, нужно действовать радикально, верно?

С этими словами он одной рукой откупорил бутылку со спиртом и щедро облил им кинжал. В тот же миг тесное пространство вокруг них заполнил резкий, бьющий в нос запах алкоголя.

Клинок хищно блеснул в тусклом свете ламп. Чу Сюнь уверенно перехватил рукоять и быстрым, точным движением вонзил острие в рану Ло Хуая.

Юноша глухо застонал, на его висках выступил холодный пот. Он до боли стиснул зубы, не издав больше ни звука — такая дерзость со стороны бармена стала для него полной неожиданностью.

Но мешать ему сейчас значило лишь усугубить свое положение...

Ло Хуай тяжело дышал. Откинув голову на стойку, он прищурился, глядя на мутное сияние ламп под потолком, и почувствовал, как мир перед глазами начал застилать влажный туман.

— Тебе конец, Чу Сюнь, — прохрипел он, разделяя каждое слово.

Чу Сюнь лишь коротко и тихо рассмеялся в ответ.

Кончиком ножа он начал прощупывать края раны, слой за слоем отсекая омертвевшую ткань, чтобы не дать инфекции распространиться.

Его движения были стремительными, а рука — дьявольски твердой, словно у хирурга с многолетним стажем. Казалось, для него не существовало ни этой жуткой раны, ни уродливых шрамов.

Ло Хуай не был глупцом. Скопив взгляд на собеседника, он осознал, что тот действительно лечит его, причем делает это мастерски. Намного лучше любого «врача», которого юноша мог бы найти в этих краях.

«Кем бы ни был этот Чу Сюнь, я вытрясу из него всю правду, — размышлял Ло Хуай. — Он явно не так прост»

Обработка раны — дело не из легких. Она требовала от Чу Сюня предельной концентрации и терпения, а от Ло Хуая — железной выдержки. Не каждый способен вынести, когда плоть режут по живому, без капли обезболивающего.

Однако юноша, некогда изнеженный молодой господин, даже не вздрогнул. Он сидел неподвижно, подавляя боль, хотя на его запястье от напряжения вздулись синие вены.

В конце концов его прерывистое дыхание коснулось уха Чу Сюня. Рука с ножом на мгновение замерла. Мужчина медленно поднял голову и бросил на юношу бесстрастный взгляд.

— Не хочешь закурить?

Глаза Ло Хуая повлажнели от пота. Он с трудом поднял веки, и его взгляд показался Чу Сюню прозрачным и чистым, как родниковая вода.

— По-твоему, у меня есть силы шевелиться? — с горькой иронией выдохнул он.

От боли не хотелось даже дышать.

Бармен чуть приподнял бровь и услужливо предложил:

— Я помогу.

Ло Хуай помолчал немного, прежде чем ответить:

— Сигареты в правом кармане... Только не вздумай лапать лишнего!

Недавняя наглость, с которой Чу Сюнь прижимался к нему, изымая нож, заставляла Ло Хуая сохранять предельную бдительность.

На этот раз мужчина вел себя прилично. Он достал пачку сигарет «Байминхэ», привычным жестом вытряхнул одну и, зажав фильтр между пальцами, поднес к губам юноши.

Ло Хуай приоткрыл рот, принимая сигарету. В это мгновение его мягкие губы мимолетно коснулись пальцев Чу Сюня.

Юноша на мгновение замер, а затем отвел взгляд.

Чу Сюнь, казалось, ничего не заметил. Он достал зажигалку и не спеша раскурил сигарету для Ло Хуая.

Сам он тоже не стал скромничать: выудил еще одну для себя и, прикурив, лениво выпустил струю сизого дыма.

В воздухе разлился тонкий аромат мяты. Ло Хуай глубоко затянулся, и — то ли от действия никотина, то ли от самовнушения — ему стало немного легче. Хотя боль никуда не ушла.

Он заворожено наблюдал, как огонек пожирает табак, чувствуя, как терпкий дым наполняет пересохшее горло.

Время тянулось медленно, работа над раной близилась к завершению.

Сквозь полупрозрачную дымку Чу Сюнь взглянул на измученного юношу и вдруг понял: Ло Хуай так и не научился курить по-настоящему.

Он дышал так же неумело, как и два года назад: просто набирал дым в рот и тут же выпускал его обратно. Словно щенок, подражающий хозяину — искренне, неуклюже и совершенно неправильно.

Чу Сюню это показалось забавным.

Ло Хуай уже начал привыкать к тупой, ноющей боли, как вдруг заметил, что резкая, раздирающая боль от клинка исчезла.

Он резко открыл глаза и увидел, что Чу Сюнь закончил очищать рану и медленно отводит нож.

Ло Хуай уже собирался поблагодарить его, но заметил, как бармен прищурился. Мужчина примерился ножом к тому месту, где оставался незавершенный знак, и сталь снова молниеносно опустилась вниз.

Прежние очертания ожога были окончательно уничтожены. Чу Сюнь, действуя на первый взгляд хаотично, превратил изуродованную плоть в нечто иное. Когда нож окончательно отстранился, на руке юноши красовался новый след — две четкие буквы.

Инициалы Чу Сюня. Его личное клеймо поверх чужого.

Ло Хуай судорожно вздохнул от новой вспышки боли. Ярость захлестнула его: он подался вперед, впиваясь взглядом в глаза Чу Сюня, готовый спросить, не надоело ли тому жить.

В этот миг догоревшая сигарета выпала из его пальцев.

Чу Сюнь небрежно отбросил кинжал, зажал свою сигарету между пальцами и негромко

произнес:

— Тот, кто учил тебя курить, явно не довел дело до конца.

Он сделал паузу и добавил:

— Ничего, сейчас я исправлю это упущение.

Мужчина медленно приобнял Ло Хуая за плечи. Его серебристо-голубые глаза, похожие на скованное льдом море, казались бездонными. Алый отблеск сигареты отражался в его зрачках, как последний луч заходящего солнца.

Голос Чу Сюня, хрипловатый и обволакивающий, прозвучал с мягкой усмешкой:

— Ло, дышать нужно глубоко... в самые легкие.

Бармен затянулся, а затем склонился к самому лицу юноши. Его лоб и кончик носа почти касались Ло Хуая. Он медленно и томно моргнул.

Время будто остановилось.

Чу Сюнь выдохнул мятный дым прямо в губы Ло Хуая, заставляя того невольно проглотить его вместе со всеми застрявшими в горле словами. Лицо юноши мгновенно вспыхнуло, жар прилил к щекам.

Их дыхание переплелось, дым циркулировал между ними, связывая воедино. Мужчина мягко накрыл ладонью затылок Ло Хуая, заставляя его подчиниться ритму этого странного «урока». Юноша был вынужден запрокинуть голову, ловя ртом воздух.

Это походило на поцелуй, и в то же время — нет. Подбородок и шея Ло Хуая были полностью во власти Чу Сюня. Теплые подушечки пальцев, поглаживающие кожу, напоминали ленивую ласку хищника, играющего с добычей.

Трудно было сказать, что именно дурманило голову — никотин или само присутствие этого человека. Перед глазами Ло Хуая всё плыло. Поддавшись какому-то странному импульсу, он послушно отдал контроль над своим телом Чу Сюню. Этот властный напор снова заставил его сомневаться: кто же стоит перед ним на самом деле?

Этот «дымный поцелуй» длился недолго. Когда Чу Сюнь убедился, что Ло Хуай наконец понял, как нужно затягиваться, он отстранился и вернулся на безопасное расстояние, небрежно откинувшись на спинку стула.

Вид у него был расслабленный и ленивый. Потушив окурок, он произнес, предупреждая любой протест:

— На этот раз я тебя не целовал. Просто хотел помочь унять боль.

Ло Хуай задохнулся от возмущения, но слова застряли в горле. Он хотел вспылить, но не находил повода — Чу Сюнь говорил так рассудительно и спокойно. Сам бармен сидел с таким безучастным видом, будто всё произошедшее было лишь скучной необходимостью.

И только юноша, никогда не знавший ничего подобного, чувствовал себя окончательно сбитым с толку.

Он не нашелся с ответом.

А Чу Сюнь тем временем взял бинты и лекарства, молча и сосредоточенно доводя перевязку до конца. Его работа была безупречной — пожалуй, самой точной и смелой из всего, что Ло Хуай видел за последние два года. Если не считать того последнего росчерка ножом.

— Твой последний удар... Ты ведь просто хотел мне отомстить, верно? — не выдержал юноша.

— С чего бы? — Чу Сюнь даже не поднял головы, отвечая с непоколебимой уверенностью. — Просто прежний знак был уродливым. Я решил, что мой будет смотреться лучше.

— Но тот и так был не закончен... Стой, не заматывай так быстро, дай посмотреть, что ты там нацарапал!

Бармен проигнорировал его просьбу. Его руки двигались быстро и ловко, и вскоре бинт был надежно закреплен. Напоследок он с каким-то особым изяществом завязал концы бантиком.

Тройной бант выглядел на руке юноши нелепо и даже мило.

Ло Хуай только вздохнул.

«Ладно, пусть будет хоть бантик, хоть клоунская маска. Учитывая, как профессионально он обработал рану, я готов стерпеть эту маленькую месть»

Но всё же в поведении этого человека было нечто... странное.

Ло Хуай чувствовал себя не в своей тарелке. Разум твердил, что нужно уходить, но Чу Сюнь продолжал негромко расспрашивать его:

— Ло, ты ведь вырос в Ного? Но ты такой красавчик... вряд ли ты из местных, с окраин.

— А тот, кого ты любишь, он откуда? Давний знакомый? Друг детства или, может, невеста?

— Почему ты пришел в «Ночной Филин», Ло?

Чу Сюнь произносил это короткое «Ло» так мягко и тягуче, что обычное сокращение имени превращалось в интимное признание. Казалось, он не просто ведет светскую беседу, а всерьез допрашивает объект своих симпатий.

Юноша почувствовал, как по коже побежали мурашки. Он напрягся и, закрыв лицо рукой, резко оборвал его:

— Меня зовут Ло Хуай...

Он добавил сквозь зубы:

— Можешь называть меня Ло Хуай.

Чу Сюнь издал невнятный звук, похожий на запоздалое «о», и с деланной простотой заметил:

— Наконец-то ты открыл мне свое имя, Сяо Хуай.

— Ты!.. — Ло Хуай едва не задохнулся от возмущения. — Называй! Меня! Ло! Хуай!

Чу Сюнь замолчал.

Спустя мгновение он посмотрел юноше прямо в глаза и едва заметно улыбнулся. В его взгляде плясали искорки искреннего веселья.

Имя Ло Хуая сорвалось с его губ плавно и тягуче. Этот голос, чистый и прохладный, как талая вода, коснулся самого сердца, оставляя после себя странное чувство свежести и тревоги.

Он произнес:

— Ло Хуай.

Это был безупречный тон федерального наречия, но из-за краткости произношение показалось юноше смазанным. Осталась лишь эта небрежная, вольная интонация, которая эхом отозвалась в его сознании.

Такая знакомая...

Ло Хуай замер, не в силах отвести взгляд. Его ресницы дрогнули.

А затем он — с недоверием, страхом и робкой надеждой в голосе — едва слышно спросил:

— Чу Сюнь... Мы ведь уже встречались раньше, верно?

<http://bllate.org/book/15843/1428152>